

DOI: [10.14515/monitoring.2022.5.2184](https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.5.2184)

О. Н. Безрукова, В. А. Самойлова

**«ПРОДИКТОВАНО ЛЮБОВЬЮ...»:
ВОВЛЕЧЕННОЕ ОТЦОВСТВО В РОССИЙСКИХ СЕМЬЯХ,
ВОСПИТЫВАЮЩИХ ДЕТЕЙ С ИНВАЛИДНОСТЬЮ**

Правильная ссылка на статью:

Безрукова О. Н., Самойлова В. А. «Продиктовано любовью...»: вовлеченное отцовство в российских семьях, воспитывающих детей с инвалидностью // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 5. С. 122—148. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.5.2184>.

For citation:

Bezrukova O. N., Samoylova V. A. (2022) 'Driven by Love...': Involved Fatherhood in Russian Families Raising Children with Disabilities. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 5. P. 122–148. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.5.2184>. (In Russ.)

Получено: 04.02.2022. Принято к публикации: 01.09.2022.

«ПРОДИКТОВАНО ЛЮБОВЬЮ...»: ВО- ВЛЕЧЕННОЕ ОТЦОВСТВО В РОССИЙ- СКИХ СЕМЬЯХ, ВОСПИТЫВАЮЩИХ ДЕТЕЙ С ИНВАЛИДНОСТЬЮ

БЕЗРУКОВА Ольга Николаевна — кандидат социологических наук, доцент, и. о. заведующей кафедрой социологии молодежи и молодежной политики факультета социологии, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
E-MAIL: o.bezrukova@spbu.ru
<https://orcid.org/0000-0003-2821-1734>

САМОЙЛОВА Валентина Алексеевна — кандидат психологических наук, доцент кафедры теории и практики социальной работы факультета социологии, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
E-MAIL: v.samojlova@spbu.ru
<https://orcid.org/0000-0001-5412-0575>

Аннотация. В статье на материалах интервью с отцами, в семьях которых воспитываются дети со стойкими нарушениями здоровья ($N = 15$), анализируются модели и ресурсы вовлеченного отцовства. Представлена концептуализация вовлеченного отцовства. Раскрываются актуальные смыслы, роли, функции, гендерные установки и представления о семье у отцов «особых» детей. Сделан вывод о влиянии опыта воспитания в родительской семье, качества супружеских отношений, процессов устойчивости семьи на вовлеченность отцов в воспитание детей. Выделены типы вовлеченного отцовства в семьях с детьми с инвалидностью: «сверхсильная вовлеченность по желанию», «сверхсильная вовлеченность по необходимости», «гармоничная вовлеченность», «умеренная вовлеченность по необ-

‘DRIVEN BY LOVE...’: INVOLVED FATHER- HOOD IN RUSSIAN FAMILIES RAISING CHILDREN WITH DISABILITIES

Olga N. BEZRUKOVA¹ — Cand. Sci (Soc.), Associate Professor, Acting Head of the Department of Youth Sociology and Youth Policy at the Faculty of Sociology
E-MAIL: o.bezrukova@spbu.ru
<https://orcid.org/0000-0003-2821-1734>

Valentina A. SAMOYLOVA¹ — Cand. Sci. (Psych.), Associate Professor at the Department of Theory and Practice of Social Work at the Faculty of Sociology
E-MAIL: v.samojlova@spbu.ru
<https://orcid.org/0000-0001-5412-0575>

¹ Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

Abstract. Based on interviews with fathers from the families raising children with persistent health problems ($N = 15$), the article analyzes the models and resources of involved fatherhood. The authors present a conceptualization of involved paternity and reveal the actual meanings, roles, functions, gender attitudes, and ideas about the family of the fathers of special children. The study shows how the experience of upbringing in the parental family, the quality of marital relations, and the processes of family stability influence the involvement of fathers in the upbringing of children. The authors identify five following types of involved fatherhood in families with children with disabilities: “deep involvement at their own will”, “deep involvement out of necessity”, “harmonious involvement”, “moderate involvement

ходимости», «умеренная вовлеченность по желанию».

Ключевые слова: отцовство, маскулинность, вовлеченное отцовство, отцы детей с инвалидностью, дети-инвалиды, жизнестойкость, устойчивость семьи, социальная поддержка

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00543.

at will”, and “moderate involvement out of necessity”.

Keywords: fatherhood, masculinity, involved fatherhood, fathers of children with disabilities, children with disabilities, hardiness, family resilience, social support

Acknowledgments. The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research within the framework of the Project No. 19-011-00543.

Введение

В Российской Федерации остро стоит проблема детской инвалидности. На 1 октября 2021 г. зарегистрировано 720930 детей с инвалидностью в возрасте до 17 лет включительно¹. В Санкт-Петербурге по состоянию на 1 января 2021 г. 19035 детей-инвалидов, из них воспитываются в семьях 18491, семей с детьми-инвалидами — 17724. Такого же порядка и количество детей с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ)².

Перестройки, происходящие в жизни каждой семьи после рождения ребенка, укладываются в картину нормативного семейного кризиса, который большинством из них успешно преодолевается, однако болезнь ребенка обуславливает гораздо более сложную динамику приспособления к новой ситуации и может негативно влиять на отношения между супругами, приводить к дисфункции отца. Для части отцов состояние дезадаптации приобретает хронический характер, проявляясь в отчуждении, выборе стратегии избегания проблемы, включая уход из семьи.

Так, до 45 % семей, воспитывающих детей-инвалидов, — монородительские, причем большая часть из них (38 % из 45 %) распались после рождения больного ребенка, таковы результаты исследования, проведенного в Томске [Гребенникова, Шелехов, Берестнева, 2015]. Анализ данных всероссийской переписи населения, результаты которого представлены в статье А. О. Тындик и С. А. Васина, показал, что около двух третей детей с инвалидностью живут в полных семьях, а 27 % воспитываются одинокими матерями [Тындик, Васин, 2016: 172]. Этот показатель выше среднего показателя материнских семей (15—18%)³, что подтверждает влияние

¹ Численность инвалидов // Пенсионный Фонд Российской Федерации. URL: <https://sfri.ru/analitika/chislennost> (дата обращения: 24.10.2022).

² Исходя из численности обучающихся с ОВЗ в общеобразовательных учреждениях — 21528 человек. См.: Положение детей и семей, имеющих детей, в Санкт-Петербурге // Городской информационно-методический центр «Семья». URL: <http://www.homekid.ru/analiticheskie-materialyi-o-polozhenii-detej-i-semej-v-sankt-peterburge> (дата обращения: 24.10.2022).

³ В России на матерей-одиночек приходится треть семей с детьми // РБК. 2017. 7 февраля. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5899c3949a7947cd04125cc5> (дата обращения: 24.10.2022).

фактора болезни ребенка на поведение отца, которое на уровне массового сознания оценивается как типичное: стереотип об отцах, «сбегающих от трудностей», довольно устойчив. В то же время количество отцов, «верных своему отцовскому долгу», по наблюдениям исследователей и практиков, растет, и модели адаптивного поведения этих отцов представляют актуальный научный и практический интерес.

В настоящее время доля отечественных и зарубежных работ, в фокусе которых были бы отцы детей с ограниченными возможностями, ничтожно мала в общем объеме публикаций, основное внимание сосредоточено на матерях. Среди основных тем исследований — психозмоциональное здоровье родителей (поскольку затянувшийся стресс ведет к истощению их ресурсов, негативной динамике в отношениях, отчуждению и расставанию) [Галасюк, 2011; Tolleson, Zeligman, 2019], совершенствование поддержки этих семей, права детей и родителей [Glenn, 2007; Rankin et al., 2019; Bogossian et al., 2019; Sato, Araki, 2021].

В отечественных работах практически не представлен аспект участия отца в заботе об особом ребенке, а в зарубежных исследованиях он часто рассматривается как «вторичный», косвенный. Конкретные роли отцов остаются недостаточно ясными, мало что известно о характере и воздействии поддержки отцов на благополучие детей и семьи в целом [Ozturk, Riccadonna, Venuti, 2014; West, Honey, 2016]. Отмечается противоречивость позиции матерей в попытках расширить вовлеченность отцов: с одной стороны, они ждут от отцов большей активности, чтобы уменьшить груз своей ответственности и забот и улучшить его отношения с ребенком, а с другой — могут испытывать двойственное отношение из-за опасения утратить свою традиционно центральную роль и сознательно или неосознанно блокируют участие отца в жизни ребенка, выступают в роли «привратников» [Ingber, Most, 2012].

Цель статьи — провести сравнительный анализ моделей и ресурсов вовлеченного отцовства в ситуации инвалидности ребенка. Ключевые исследовательские вопросы: как видят отцы особых детей актуальные смыслы, роли, функции отца? Какие гендерные установки и представления о семье и отцовстве у них существуют? Как влияет опыт воспитания в родительской семье и качество супружеских отношений на вовлеченность отца в воспитание детей?

Теоретические и методологические основания исследования

Исследования отцовства в специфических жизненных ситуациях, к которым относится воспитание особого ребенка, неразрывно связаны с представлениями о феномене отцовства, его содержании и динамике, накопленными в современной науке [LaRossa, 1988; Marks, Palkovitz, 2004; Кон, 2009; Шевченко, 2010; Липасова, 2016; Безрукова, Самойлова, 2020, Егорова, Янак, Рябинская, 2020 и др.]. Зарубежные и отечественные исследователи разрабатывают теорию отцовства, изучают факторы, влияющие на становление заботливого отца [Doherty et al., 1998; Рождественская, 2020 и др.], специфику практик участия в заботе о детях отцов социально уязвимых групп [Rankin et al., 2019 и др.].

Многоликий ландшафт отцовства чаще раскрывается в противостоящих друг другу позитивных и негативных образах отца: от вовлеченного, ответственного, заботливого до отсутствующего, отвергающего, бегущего от отцовства [Marks,

Palkovitz, 2004; Кон, 2009 и др.]. Схожая тенденция проявляется при рассмотрении современной мужественности как континуума, на одном полюсе которого проблематичная, кризисная, маргинальная мужественность, на другом — развивающаяся, генеративная, продуктивная [Marsiglio, 2009; Кон, 2009; Безрукова, Самойлова, 2020 и др.].

Переход от практик традиционного или отсутствующего отца к устойчивому воспроизводству моделей вовлеченного отцовства рассматривается как преобразование ортодоксальной маскулинности в модернизированную и заботливую [LaRossa, 1988; Ruby, Scholz, 2018 и др.], как трансформация традиционной идентичности отца (ответственность за финансовую стабильность) в новую (ориентация на заботу) [Lengersdorf, Meuser, 2016; Johansson, Andreasson, 2017 и др.]. Вместе с тем, став отцом, мужчина переживает переломный этап в своей жизни, который ведет к глубинным изменениям, включая процесс переопределения личной и социальной идентичности, имеющей важное значение для формирования привязанности к ребенку, его благополучия и развития. Это важный этап, который сопровождается переоценкой образа и смысла жизни во взаимодействии с ближайшим окружением, матерью ребенка, оценкой качества супружеских отношений и удовлетворенности браком [Condon, Corkindale, Boyce, 2004; Höfner, Schadler, Richter, 2011 и др.].

Полагаем, что переход к отцовству может происходить в рамках традиционно предписанных траекторий и жизни по привычке (*традиционное отцовство*), а может через осознание негативного опыта, пересмотр отношений с родителями, переоценку не всегда успешных отношений с собственным отцом, реализацию потребности в новом качестве отцовства и выстраивание сознательных стратегий собственного родительства. Именно таким образом, на наш взгляд, формируется *родительский габитус активного вовлеченного отцовства* как обретение новых смыслов и значений, чуткости, отзывчивости, наполненности вниманием к потребностям ребенка [Безрукова, Самойлова, 2022: 95].

Исследователи выделяют социальные, психологические, структурные, институциональные факторы, обуславливающие вовлеченность отцов в заботу о детях, раскрывают структуру, компоненты и характеристики, риски вовлеченного отцовства [Lamb, 1986; Hawkins, Palkovitz, 1999; Борисова, 2017; Рождественская, 2020; Безрукова, Самойлова, 2020 и др.].

Концепт вовлеченного отцовства раскрывается в современных западных исследованиях как сложная и многомерная конструкция, характеризуется переходом от одномерных моделей к многомерным, всесторонним рассмотрением различных аспектов вовлеченности в зависимости от целей конкретного исследования, выявлением сильных и слабых сторон инструментария измерения [Schoppe-Sullivan, McBride, Ho, 2004]. Одним из первых научных представлений о вовлеченном отцовстве стала концепция Майкла Лэмба, которая включает в себя три основных параметра: 1) «взаимодействие», отражающее прямые контакты отца с ребенком в форме игры или ухода за ним без посредничества других людей, 2) «ответственность», заключающаяся в знании потребностей ребенка и действиях, необходимых для удовлетворения этих потребностей, а также 3) «доступность» для ребенка во время включенности отца в другие виды деятельности [Lamb, 1986].

Алан Хокинс и Роб Палковиц предположили, что «отцовское участие» включает аффективные, когнитивные, этические, а также наблюдаемые поведенческие компоненты [Hawkins, Palkovitz, 1999]. Концептуализируя вовлеченность отцов в заботу о детях, Р. Палковиц «расширяет» участие отца и выделяет 15 основных категорий: общение (разговор, слушание, выражение любви), обучение (ролевое моделирование, дисциплина, поощрение интересов и увлечений), мониторинг (поиск после учебы, зная, кто друзья ребенка), когнитивные процессы (планирование, молитва), поручения (отвезти ребенка куда-нибудь, собрать необходимые предметы), физический уход (кормление, купание, уход за больным ребенком), рутинный уход (готовка, стирка, ремонт), общие интересы (совместное чтение, развитие опыта), доступность (посещение / руководство деятельностью, совместное времяпрепровождение), планирование (дни рождения, каникулы, сбережения на будущее), совместные занятия (покупки, играем вместе, работаем вместе), обеспечение (жильем, одеждой, едой, здравоохранением), привязанность (объятия, объятия, щекотка), защита (наблюдение за безопасностью ребенка, обеспечение безопасной домашней обстановки и занятий) и поддержка эмоциональности (поощрение ребенка, развитие интересов) [Palkovitz, 1997].

В настоящее время многомерность измерения вовлеченного отцовства получила большую поддержку [Gorvine, 2002; Schoppe-Sullivan, McBride, Ho, 2004; Борисова, 2017; Рождественская, 2020 и др.].

Под *вовлеченным отцовством* мы понимаем *динамичный, множественный и многообразный конструкт, включающий этические, ценностно-смысловые, аффективные, когнитивные и поведенческие компоненты*. Это этические атрибуты (нравственные нормы и оценки правильного/неправильного в поведении отцов — отец может быть «хорошим», справедливым, верным, надежным, ответственным); качественные характеристики участия/качество отношений (забота, внимание, доступность, ответственность, безопасность и др.); количественные параметры (время, проведенное с детьми, и его доля по сравнению со временем, уделяемым материю); деятельностные признаки, отражающие практики занятости (уход за ребенком, купание, кормление, приготовление пищи, присмотр и сопровождение детей, практики воспитания и образования, экономический вклад и др.); взаимодействия с матерью (справедливость/солидарность в распределении родительских обязанностей, партнерские установки и практики, совместное обсуждение вопросов воспитания, создание среды для развития детей, общий семейный досуг, планирование будущего и др.); характеристики коммуникации (демократичный стиль общения, способность к урегулированию конфликтов, гибкость и пластичность в общении).

Установки и практики вовлеченного отцовства отражают специфику родительской культуры того или иного общества, своеобразие идентификации тех или иных родительских групп, типичные и обобщенные проблемы и вызовы повседневной жизни семей, различные модели, сценарии и траектории отцовства. Так, в исследованиях разведенных отцов важным измерением участия отца становится его доступность для ребенка [Kalmijn, 2015 и др.], отцов с низким уровнем дохода — участие в заботе о повседневных потребностях детей (экономический вклад, выплата алиментов) [Hofferth, Forry, Peters, 2010], юных отцов — осознание

и выполнение обязательств по взаимодействию с детьми, проявление долга и ответственности [Cundy, 2016], отцов детей-инвалидов — интерес к жизни ребенка, уход и воспитание, реабилитация и активная помощь в достижении независимости [Bragiel, Kaniok, 2011].

Полагаем, что компоненты участия в воспитании детей-инвалидов наряду с общими включают следующие специфические измерения *вовлеченного отцовства*:

— *этические* жизненные принципы (оставаться с ребенком несмотря ни на что, любить его любым и др.);

— *мотивационные* (стремление быть всегда рядом, поддерживать и помогать во всем);

— *аффективные* (чувство боли, сострадание, жалость, любовь, желание защитить);

— *когнитивные* (знание специфики проблем со здоровьем, внимание к актуальному состоянию ребенка, понимание его потребностей, информированность по поводу лечения, о предоставляемых возможностях);

— *поведенческие* (участие в реабилитации, активная помощь в интеграции в общество, достижении самостоятельности, борьба за права своих детей).

Как влияют удовлетворенность браком, качество супружеских отношений, персональные, индивидуально-личностные характеристики отца, его психологическое здоровье на вовлеченность в заботу о детях-инвалидах? По данным исследований, довольные отношениями с супругой отцы реже испытывают депрессию и стрессы родительства. Удовлетворенность отношениями в парах, воспитывающих ребенка с расстройством аутистического спектра, сопутствует тесному сотрудничеству матерей и отцов в решении разнообразных родительских задач и выступает важным фактором устойчивости семьи [Sim et al., 2019]. В семьях, где обязанности по уходу распределялись поровну, и матери, и отцы детей с аутизмом сообщали о большей удовлетворенности супружеской жизнью и меньшем родительском стрессе [Ogston-Nobile, 2015]. Участие отцов в воспитании детей с глубокими интеллектуальными и множественными нарушениями может быть мотивировано и усилено за счет взаимной поддержки и качества общения между родителями [Sato, Araki, 2021].

При рассмотрении феномена отцовства, сопряженного с переживанием стресса и вызовами, которые возникают в ситуации болезни ребенка, мы основываемся на положениях концепции жизнестойкости личности Сальватора Мадди и концепции устойчивости семьи Фромы Уолш. Жизнестойкость (*hardiness*) — система убеждений о себе, о мире, об отношениях с миром, раскрывающаяся в триаде «вовлеченность — контроль — вызов/принятие риска» [Maddi, 2006], определяющая стилевую характеристику личности в единстве когнитивных, аффективных, поведенческих компонентов, ее способность противостоять трудным жизненным обстоятельствам и эффективно с ними справляться.

Близко по смыслу понятие устойчивости семьи. То, как семья встречает жизненные вызовы, способна ли восстанавливаться после них, становясь сильнее и ресурснее, характеризует ее устойчивость. Согласно Ф. Уолш, устойчивость — это больше, чем просто нести бремя, пережить тяжелые испытания или справляться со стрессовыми состояниями. Исследования последних десятилетий показывают, что супружеские пары и семьи, прошедшие через страдания и борьбу, часто стано-

вятся сильнее, более любящими и обладающими большими ресурсами в решении будущих проблем [Walsh, 2016].

Семья рассматривается как целостный социальный организм, системная перспектива позволяет увидеть, как кризисы и жизненные проблемы влияют на всю семью, и, в свою очередь, как ключевые семейные процессы опосредуют адаптацию (или дезадаптацию) для ее отдельных членов, их отношений. Вместе с тем такой подход не умаляет значения индивидуальной устойчивости, жизнестойкости каждого из родителей (в данной статье наше внимание обращено на отца) как мощного личностного фактора преодоления трудностей, а лишь подчеркивает его «встроенность» во взаимно интерактивные динамические процессы, включающие сильные стороны и ресурсы, которые члены семьи могут мобилизовать внутри своей семейной системы и во взаимодействии с социальным окружением.

Ключевые процессы устойчивости семьи включают три основных группы. Это, во-первых, *системы убеждений*, такие как реализм в восприятии ситуации и принятие ее во всей полноте, терпимость к неопределенности, но и стремление к пониманию и управлению проблемой, отношение к кризису как к вызову, активность и настойчивость, акцент на сильные стороны и потенциал, надежда, оптимистический взгляд, приверженность семье, ориентация семейного жизненного цикла на нормализацию, экзистенциальные ценности и смыслы, духовность, вера, позитивный рост, стремление к будущим целям, творчество и др. Во-вторых, *организационные процессы*, а именно — гибкость, адаптивные изменения для решения новых задач, взаимная поддержка, работа в команде, приверженность общим целям, но при этом уважение индивидуальных потребностей, различий и границ, совместное воспитание/забота, сильное, авторитетное руководство детьми (способность их воспитывать, направлять, защищать), обеспечение финансовой безопасности, баланс между работой и семьей, мобилизация ресурсов расширенной семьи, создание социальных сетей семьи, доступ к институциональной, структурной поддержке. В-третьих, *процессы общения / решения проблем*, для которых характерны: ясность и правдивость информации, открытый эмоциональный обмен, не исключая болезненные чувства (печаль, страдание, гнев, страх, разочарование, раскаяние), взаимное сочувствие, позитивное взаимодействие (любовь, признательность, благодарность, юмор, веселье, передышка), совместное принятие решений, переговоры, избегание обвинений и конфликтов, ориентация на цели, планирование, творческий мозговой штурм, опора на успех и способность учиться на неудачах, проактивная позиция для предотвращения проблем, кризисов, подготовка к будущим вызовам и др. [ibid.].

В качестве ведущей гипотезы исследования нами принято предположение, что ключевая роль в становлении вовлеченного отцовства у мужчин, имеющих детей с инвалидностью, принадлежит личностным характеристикам отца (мотивационно-ценностные факторы, жизнестойкость, пластичность, активность), устойчивости семьи, качеству супружеских (конструктивная роль матери, удовлетворенность браком, налаженная коммуникация) и межпоколенческих отношений (опыт жизни в родительской семье).

Вместе с тем мы предполагаем, что можно дифференцировать отцов на основе нескольких критериев. Первым критерием выступает мотивационно-ценностный

фактор (является ли забота о ребенке личным приоритетом и совпадает ли с желанием самого отца — тип мотивации «хочу/не хочу», или в основе заботы чувство отцовского долга, осознание обязательств, ответственности, необходимости — тип мотивации «надо/не надо»). Второй комплексный критерий взаимосвязан с оценкой индивидуальных и семейных возможностей и ресурсов, поддерживающих или ограничивающих вовлеченность, включая семейный доход, обеспеченность жильем, наличие социальной поддержки, характер гендерных установок отца — эгалитарных или традиционных, режима трудовой занятости (*могу/не могу*). Дополнительно учитывался критерий *степени вовлеченности* — характеристика меры поглощенности отца заботой о ребенке и его благополучии, количества времени и усилий, его активности: *сверхсильная* (высокая степень /интенсивная вовлеченность), а также менее выраженная активность — *умеренная* (средняя степень вовлеченности). Дифференциация «вовлеченных» отцов, таким образом, представлена пятью группами с разной степенью вовлеченности в заботу о детях с инвалидностью: «сверхсильная вовлеченность по желанию» — очень хотят, могут и очень активны; «сверхсильная вовлеченность по необходимости» — чувствуют острую необходимость, могут и очень активны; «гармоничная вовлеченность» — хотят и чувствуют необходимость, могут и достаточно активны; «умеренная вовлеченность по желанию» — чувствуют необходимость, не могут и умеренно активны; «умеренная вовлеченность по необходимости» — хотят, но не могут, умеренно активны.

Дизайн исследования

В исследовании, проведенном в 2019 г. в Санкт-Петербурге, приняли участие 15 отцов, в семьях которых воспитываются дети со стойкими нарушениями здоровья. Критерии отбора отцов: наличие ребенка с оформленной инвалидностью, возраст ребенка (до 18 лет), супружеские или партнерские отношения с матерью ребенка.

Респонденты набирались через центры социальной реабилитации инвалидов и детей-инвалидов. Их контакты предоставлялись либо напрямую, либо через матерей — в любом случае это отцы, проявляющие участие в заботе о детях. Метод исследования — глубинное интервью, продолжительностью от 1 часа 15 мин. до 3 часов.

Возраст отцов — 31—50 лет, высшее образование имеют шестеро, неполное высшее — трое, среднее специальное — шесть. В зарегистрированном браке состоят 13 человек, у двоих брак не зарегистрирован. Одного ребенка имеют пять семей, двое детей у девяти семей, трое — в одной семье (см. приложение).

По характеру нарушений здоровья детей выборка неоднородна. Имеет место разнообразие нозологий: это детский церебральный паралич различной степени тяжести, расстройства аутистического спектра, задержка психического развития, синдром Денди-Уокера (аномальное развитие головного мозга), сахарный диабет первого типа, тетрада Фалло (порок сердца), дистрофия Дюшена, сочетающаяся с аутизмом, недоразвитие конечностей (отсутствуют фаланги на руке), укорочение конечности как следствие деформация тазобедренного сустава, нейросенсорная тугоухость второй-третьей степени и др.

Представления о семье и практики отцовства

Объединяющая характеристика отцов целевой группы — принятие ими нестандартной семейной ситуации. Результаты анализа глубинных интервью показали, что дети являются частью нормативного представления отцов о счастливой семейной жизни, им присуща мотивация осознанного отцовства, а появление детей было радостным и ожидаемым событием. Для половины респондентов радость от рождения ребенка сопряжена с переживаниями по поводу его здоровья, так как роды были преждевременными/тяжелыми или о патологии родители знали заранее:

Знали еще до рождения, но решили оставить ребенка. (Из интервью № 11)

В этих случаях принятие болезни ребенка происходило с самого начала и сопровождалось мобилизацией отцов на поиск возможностей получить всю необходимую помощь от специалистов, как можно оперативнее организовать лечение ребенка. В других случаях проблемы со здоровьем возникали неожиданно, проявляясь по мере роста ребенка («хотя сначала все было хорошо»). Но и тогда на смену растерянности довольно быстро приходило осознание необходимости действовать активно и решительно:

Нам сказали, [что] будет тяжело. Какое-то время я переживал, но потом принял все как есть, и стали заниматься всеми этими вопросами. (№ 15)

Создание семьи воспринималось отцами как естественный этап жизненного цикла, и большинство из них не задумывались в юности о ее устройстве и распределении обязанностей между супругами. Тем не менее по общему вектору высказываний о том, как они видели свою будущую семейную жизнь, можно разделить их на две практически равные группы: имевших нормативные представления, что семья должна быть крепкая, дружная, с традиционными установками об ответственности мужа за обеспечение семьи, а жены — за дом и детей, и тех, кто не делил зоны ответственности по гендерному принципу, а с самого начала имел гибкие установки и готовность к равноправным, партнерским отношениям в семейной жизни. Жизненные обстоятельства обусловили сходную динамику моделей семьи и отцовства, и актуальная в настоящее время модель семьи для большинства — эгалитарная с акцентом на заботу о ребенке. Около трети отцов по-прежнему придерживаются традиционных гендерных установок, но полученная информация о повседневной жизни их семей характеризует их скорее как участвующих, включенных отцов. В распределении обязанностей между супругами отмечается сотрудничество, гибкость, взаимозаменяемость, использование индивидуальных ресурсов родителей с учетом возможностей каждого:

Нет женских и мужских обязанностей. Для меня поменять памперс или пойти на прогулку, одежду какую-то собрать, приготовить еду — ничего сложного. От этого я не становлюсь менее мужественным. (№ 1)

Отметим типичные практики заботы и воспитания детей, характерные для отцов, имеющих детей с инвалидностью:

- уход и забота о детях совместно со своими супругами (участвуют в повседневном уходе за ребенком — кормление, мытье, туалет и т. д.);
- функции повседневного ухода воспринимают как естественные, «не чуждые» для отца: «Это мои дети, поэтому я должен был все это уметь. Не то чтобы должен — я с удовольствием это делал и делаю» (№ 2);
- обучение ребенка бытовым навыкам;
- помощь в учебе;
- развивающие занятия, игры, совместное творчество;
- сопровождение ребенка в медучреждения, школу, центры социальной реабилитации, на различные мероприятия;
- трудовая занятость, организованная с учетом потребностей семьи в материальном обеспечении и особенностях семейной ситуации;
- прогулки, выезд на природу;
- походы в театры, музеи, путешествия.

Отцы доступны для своих детей, способны взаимодействовать с ними в форме игры или практик ухода без посредничества других людей и знают, какие у детей есть потребности, чувствуют свою ответственность за материальное обеспечение, создание условий для реабилитации, развития, поддержания благополучия. На основании этого можно сделать вывод, что модель «вовлеченного» отца характерна для всей данной целевой группы.

Актуальные смыслы, роли, задачи отцов

Какие смыслы вкладывают в понимание значения отцовской роли отцы детей с инвалидностью? В чем состоят различия в сравнении с отцами, воспитывающими здоровых детей?

Наряду с устоявшимися стереотипами мужественности, отражающими наличие у мужчины сильной воли, умения держать слово, хорошо зарабатывать, а также быть готовым защищать слабых, в ответах отцов присутствуют и специфические маркеры «заботливой» маскулинности, проявляющиеся в любви к своей семье, желании воспитывать ребенка, любить его и не бросить, какой бы он ни был, быть верным.

Трудная жизненная ситуация воспитания ребенка с нарушениями приводит этих отцов к переосмыслению своей роли, способствует внутренней созидательной работе, повышению сенситивности. К настоящему времени для всех отцов характерна ярко выраженная мотивация ответственного отцовства. Подавляющее большинство оценили роль отца как первостепенную:

Роль отца самая главная. Через детей я меряю уже остальные вещи. (№ 1)

Она может выступать и как часть единого целого, в котором роли супруга и отца объединены общим понятием «семьянин»:

Отцовство — не то что главное — ребенок, а что главное — семья. Я не отделяю ребенка от жены. (№ 15)

Полученные данные показывают, что смысл отцовской роли по отношению к своему ребенку зависит от жизненных установок отца, но также во многом обусловлен спецификой заболевания, его тяжестью, прогнозом дальнейшего течения и успешности реабилитации. Наиболее типичные смыслы, идеи, значения повседневного участия в заботе о детях, характерные для отцов, имеющих детей с инвалидностью:

1. *Поддерживать и помогать* — отцы чаще видят свою роль в том, чтобы облегчать жизнь ребенка, делать ее более комфортной, радовать ребенка и охранять от стрессов: «*Дать ему все, что от меня зависит. Стараемся, чтобы хотя бы веселился, смеялся, радость какая-то была*» (№ 6).

2. *Всегда быть рядом* — важный смысл для большинства отцов; чтобы ребенок, да и любой член семьи (жена, здоровые дети), в любую минуту чувствовали поддержку и внимание: «*Быть стеной, на которую можно опереться*» (№ 14).

3. *Вести ребенка по жизни*, помогая ему сейчас, готовить к следующим этапам: «*Спокойно веду его, чтобы не унывал, чтобы меньше шишек было, дать ему порыв. Чтобы не унывал, несмотря на свою травму*» (№ 3).

4. *Поставить на ноги* — помочь стать максимально дееспособным, сделать все возможное для выздоровления/реабилитации ребенка, в некоторых случаях буквально «*ставить на ноги*» (№ 10).

5. *Адаптация и интеграция в общество* — делать все, чтобы ребенок смог стать более самостоятельным и способным вести независимую жизнь, дать образование, помочь найти то, что ему будет интересно в жизни, воспитывать, чтобы стал хорошим человеком, достиг успеха: «*Пока у меня есть силы, надо делать все, чтобы она могла стать более самостоятельной, чтобы у нее не было привязки к каким-то учреждениям*» (№ 15).

Таким образом, смыслы отцовской роли у отцов, имеющих детей с инвалидностью, отличаются от понимания отцовства в обычных семьях [Безрукова, Самойлова, 2022], во-первых, осознанием *необходимости всегда быть рядом* как ключевого условия выживания и развития своего ребенка; во-вторых, *потребностью вырастить самостоятельного человека*, способного справляться с трудностями, решать жизненные проблемы, вести независимую жизнь без родителей; в-третьих, *ответственностью за способность ребенка интегрироваться в общество*, найти работу, создать семью, иметь друзей и помогающее сообщество. Такое восприятие роли отца выглядит более зрелым, осознанным и отражает специфический переход к новому пониманию отцовства в этой группе в отличие от отцов здоровых детей, сближает их позицию с пониманием отцовской роли, характерным для матерей в российских семьях [там же: 104].

Внутрисемейные ресурсы поддержки отцовства: отношения с супругой

Открытый эмоциональный обмен, не исключая болезненные чувства, возможность разделить переживания с близким человеком, поддержать друг друга, — те характеристики отношений, которые в такой трудной, эмоционально нагруженной ситуации, как болезнь ребенка, становятся особенно ценными, поскольку негативные переживания по поводу нездоровья ребенка испытывают и мать, и отец. Практически все отцы заявили об открытости матерей к обсуждению

семейных проблем, о налаженном общении, способности и готовности слушать и учитывать мнение друг друга, совместном принятии решений:

Нет такого, что «я сказала так», всегда есть конструктивный диалог. (№ 15)

Конфликтные ситуации, если и случаются, никогда не бывают затяжными:

Если у нас есть спорные вопросы, мы всегда сядем и обсудим, придем к общему знаменателю. (№ 9)

Матери, даже те, что больше времени проводят с ребенком и в силу этого могут считать себя более компетентными, с уважением относятся к участию отцов, не демонстрируют свое превосходство как «главных» воспитателей. Отцы считают, что соответствуют ожиданиям матерей, предполагают, что супруги высоко оценивают их роль. Взаимозаменяемость и гибкость позволяют справляться с повседневными делами:

Мы не разделяем обязанности, у нас не такого. Надо нам что-то сделать — мы делаем. (№ 2)

Приверженность общим целям и взаимная поддержка помогают родителям чувствовать себя единой командой:

Быстро приходим к какому-то знаменателю. Бывает, она подумает — я уже сделал. И наоборот. (№ 8)

Если отцы считают себя опорой для семьи, детей, то опорой для них выступают жены — понимание, участие, поддержка со стороны женщины подпитывают отцовскую мотивацию:

У меня жена лучший друг, у нас с ней взаимопонимание, мы с ней на одной волне. (№ 15)

Женщина может повлиять не только на то, станет ли мужчина вовлеченным отцом, но и на его ценности, установки, личность в целом:

От нее получил другой взгляд на поступки людей, оценку людей я у нее перенял, стал шире судить, по-другому. (№ 8)

В основе устойчивости семей с детьми-инвалидами — общность проблем, целей, задач, разделение их отцами и матерями, но не менее важны и общность взглядов, позитивное взаимодействие, основанное на любви, признательности, а также стремлении жить полной жизнью, в том числе путешествовать, иметь интересный досуг:

У нас изначально была сделана ставка на наши семейные отношения. Видите, у нас прямо семья-семья, мы всегда вместе. (№ 2)

Проще всегда разбежаться, чем понять друг друга. Часто люди говорят, что любят, а выжимают все соки из друг друга. А любовь — это когда ты отдаешь, а не берешь. (№ 9)

Таким образом, гипотеза о позитивных отношениях между супругами, налаженном общении, готовности вместе решать проблемы, поддерживая друг друга, как ключевых факторов становления вовлеченного отцовства подтвердилась. Во многом от женщины, от того, какую обратную связь она дает, зависит, реализуется ли стремление мужчины быть хорошим отцом в реальные практики заботы.

Родительская семья как фактор становления вовлеченного отцовства и стратегии преодоления трудностей и помощи детям

Детские годы в любящей и заботливой родительской семье, а также позитивный пример отца становятся ресурсом, который взрослый человек использует, воспитывая собственных детей. Данный механизм межпоколенческой трансляции представляется очевидным, но не типичным для отцов данной группы. Напротив, типичной оказалась ситуация отсутствия отца как воспитателя вследствие таких причин, как его уход из семьи и развод родителей, алкоголизм, ранняя смерть отца, отъезд на заработки в другую страну. Только двое отцов-респондентов воспитывались в полных семьях. Большинство участников исследования негативно оценивают родительский опыт своих отцов, отталкиваясь от него как от антипримера при выстраивании собственной ролевой модели. Лишь один человек полностью доволен общением со своим отцом, тогда как остальные считают, что те уделяли им недостаточно внимания в детстве, а больше половины категорически не хотят быть похожими на своих отцов:

У меня не было за спиной отца. Я видел, что других отцы куда-то водят, помогают, продвигают, а я всего добивался сам. Создавая свою семью, я себе сказал, что такого в моей семье не будет. Минус такой повлиял на плюс. (№ 9)

Я даже как человек не хочу быть на него похожим, понимаете? Я горжусь тем, что я сделал себя сам. (№ 2)

Контакт, общение с ребенком представляется респондентам наиболее важным изменением, которое они стараются привнести в свой опыт отцовства:

Я стараюсь, даже если очень занят, все равно и пообщаться, и поиграть, и больше понять, какие у него интересы, почему ему то нравится, а то не нравится. (№ 14)

Практически все отцы испытывали те или иные жизненные трудности уже в детские годы, что, на наш взгляд, способствовало их взрослению. Несмотря на относительную молодость (у большинства дети появились, когда им не исполнилось 30 лет), в отличие от своих отцов они повели себя как личностно зрелые люди, проявив способность принимать на себя ответственность и быть готовыми к преодолению трудностей. Можно предположить, что личный опыт этих отцов повлиял на их реалистичное восприятие жизни и способность «с ней справляться»:

Плохой опыт— тоже результат, и, основываясь на этом негативном результате, я уже делаю свои выводы и веду свою стратегию поведения со своими детьми. (№ 2)

Стратегии преодоления трудностей у большинства этих отцов включают вовлеченность в проблему, знание диагноза, его причин и необходимого лечения, активные личные действия по организации жизни семьи, уверенность в том, что лечение и забота необходимы ребенку и принесут результат. Среди конкретных практических действий, предпринятых и предпринимаемых отцами, можно выделить следующие:

- смена места жительства, переезд в Санкт-Петербург из других городов, чтобы получить более квалифицированную помощь специалистов;
- смена места работы и в целом сферы и характера занятости для расширения возможностей реабилитации ребенка;
- адаптация трудовой занятости к потребностям семьи (гибкий график, совмещение работы в разных местах и др.);
- использование права на отпуск по уходу за ребенком;
- самостоятельный поиск дополнительных/альтернативных эффективных методов лечения и специалистов;
- поддержка ребенка в развитии его интересов, увлечений, способностей как фактора успешной социализации и ресурса будущего профессионального самоопределения;
- развитие своих творческих интересов и приобщение к ним ребенка и всех членов семьи, создание творческой, развивающей семейной атмосферы;
- глубокое погружение в проблематику заболевания, овладение информацией о современных методах диагностики и лечения, самостоятельная закупка средств диагностики за рубежом, так как в России они пока недоступны;
- активное отстаивание прав своего ребенка во взаимодействии с представителями различных ведомств (здравоохранение, образование, социальная защита и др.);
- активное взаимодействие со специалистами, имеющими отношение к ребенку (медики, педагоги, социальные работники), готовность поддерживать и развивать контакты «с ресурсным потенциалом» ради интересов ребенка.

Специфика отцовства в разных группах отцов

Сверхсильная вовлеченность по желанию

При наличии у ребенка стойких нарушений здоровья происходит адаптация семейных ролей, возрастает вклад отцов в заботу о нем, но «главными» родителями, как правило, остаются матери. Для части отцов родительская роль становится центральной, по затратам времени и усилий она не уступает материнской. Образ жизни и повседневные практики перестраиваются в интересах отцовской роли:

Им я занимаюсь полностью, работаю специально ночью, чтобы днем быть с ним. (№ 9)

Отцы много и тесно общаются с детьми, испытывая в этом сильную потребность, а не только выполняя родительские функции:

Я очень много времени провожу со своими детьми. У меня с ними дружеские отношения, я с ними делаю уроки, посещаю секции вместе. Я с ними друг, близкий друг. (№ 2)

Для них характерна высокая степень приверженности семье, приоритезация потребностей детей. Собственные интересы респонденты часто трансформируют так, чтобы сделать их частью общесемейных интересов:

Для меня смысл жизни — это моя семья. Я стараюсь делать для своих детей все, что в моих силах. С рождением ребенка-инвалида сконцентрировался именно на семье. И я полностью отказался от алкоголя. (№ 2)

Путь к принятию болезни ребенка у этих отцов не был сопряжен с сомнениями: зная, что возможны нарушения, они ждали рождения и были готовы активно действовать. Отцы включены в нюансы состояния их детей, отслеживают новую информацию, проявляют активность и настойчивость в поисках лучших возможностей для развития, верят, что усилия дадут результаты, с надеждой смотрят в будущее:

Все время идет внутренний и внешний поиск, ищется путь. Это как... бег с препятствиями. Надо разобраться, в какой садик попасть, — разобрались, попали в садик, здорово! Надо искать еще к кому ходить заниматься — нашли, надо еще что-то. (№ 14)

Проявляется отношение к сложившейся ситуации как к опыту, который формирует личность, заставляет посмотреть по-другому на многие вещи, лучше осознавать свои ценности, развивает чувства:

Глубина переживаний появилась, чувствительность, сострадание. (№ 2)

Раньше я думал, что как муж я должен зарабатывать деньги, и все. Меня в семье толком не было никогда. Произошла переоценка ценностей, я на все стал по-другому смотреть. (№ 9)

Гендерные установки этих отцов в отношении распределения домашних обязанностей и личностных потребностей матерей в профессиональной самореализации последовательно эгалитарные:

Личностный рост и для меня, и для жены важен по максимуму. То, что она работает, позволяет ей развиваться, у нас нет этого перегиба: семья — работа. Если ребенок заболел, больничный по очереди берем. (№ 14)

Взаимопонимание — и предпосылка, и результат общения супругов в этих семьях:

Мы на одной волне, и мы друг другу помогаем. (№ 9)

Болезнь ребенка остается источником общих переживаний, но главное, что есть в этих семьях, — признательность, благодарность, любовь:

Я жизнь свою люблю, свою семью, я получаю кайф от общения с семьей. (№ 2)

Обобщая, отметим, что ключевую роль в мотивации отцов данной группы играет желание заниматься ребенком, основанное на любви к нему и своей семье. Их жизненные приоритеты состоят в заботе о благополучии ребенка, а мысли, чувства, занятия неразрывно связаны с интересами семьи. Отцовство для них — наиболее значимая часть личностной идентичности. Опыт «особого» отцовства способствовал их личностному, духовному и даже творческому росту. Им присущи эгалитарные гендерные установки, равенство с супругой в распределении как домашних дел, так и в правах на реализацию профессиональных/творческих интересов. Исходя из актуальных потребностей семьи организуется трудовая занятость, работа не создает барьеров отцовской роли, они *хотят и могут* быть вовлеченными отцами.

Сверхсильная вовлеченность по необходимости

В некоторых случаях сверхвовлеченность отцов диктуется не только любовью, но и необходимостью ухода за ребенком с серьезными физическими и/или умственными нарушениями. Поскольку ребенок нуждается в постоянной помощи, нагрузки на взрослых возрастают:

Она не ходит, это самое тяжелое. Мы все задействованы в этом, чтобы быть с ней. (№ 15)

Все процедуры жизнеобеспечения (кормление, туалет, гигиена) отцам хорошо знакомы, они могут подменить мать или полностью берут на себя (например, купание сына):

Я все понимаю, чего он хочет, в туалет или руку, там, поправить. По интонации я понимаю, что ему надо. (№ 7)

Без отца не происходят визиты в медучреждения, социальные службы, так как нужна физическая сила:

Зимой, когда снег, я его до такси на руках — ну, он 30 килограммов весит. А в поликлинике есть своя инвалидная коляска. (№ 7)

Смысл отцовства в таких семьях — «*всегда быть рядом с ребенком, не бросать в тяжелый момент*» (№ 7), «*по максимуму делать, чтобы она смогла жить*» (№ 15).

Наряду с любовью к ребенку первостепенное значение в мотивации столь трудного отцовства имеет чувство долга:

Раз родил, значит, будь добр, и воспитывай. Любого мужчину должен любить своих детей и не бросить ребенка, какой бы он ни был. Я обязан это делать, и все. (№ 7)

Должен быть отец — нельзя уходить, бросать. Многие семьи разваливаются из-за таких детей. Я думаю, это предательство чистой воды. Хоть как, но надо быть вместе и тянуть.

У тебя такой ребенок получился, и ты такой: «Ай», оставил все и ушел. Как жить с этим потом? Это не по-мужски. (№ 15)

Для этих отцов характерны реализм в восприятии ситуации, терпимость к неопределенности, отсутствие иллюзий в отношении будущего:

Я разные вещи в жизни своей видел, и люди, которые уже умирали, оживали фактически. И где-то есть желание и надежда, чтобы так и получилось. Но если нет, будем жить дальше с тем, что есть. (№ 15)

Работа о тяжелобольном ребенке требует согласованных действий обоих родителей, при этом гендерные установки отцов скорее традиционные:

Как семью представлял? Муж — глава семьи, жена — помощник, и верны друг другу обязательно. Хотя было бы желательно, чтобы супруга тоже работала, чтобы вместе двигались. (№ 15)

Жена занимается всем, в магазин ходит, бегаёт по всему городу, по этим инстанциям, а я сижу с ребенком всегда. Кто решения принимает? Вместе решаем. Она спрашивает можно или нельзя, а я разрешаю. (№ 6)

Трудовая занятость отцов приспособлена к нуждам семьи, работать необходимо, чтобы обеспечивать семью, в то же время:

На первом месте семья, и я как отец для них всех, в том числе и для жены. Это важная роль для меня, а работа — нужно зарабатывать. (№ 15)

Таким образом, в случае тяжелых нарушений здоровья у ребенка вовлеченное отцовство диктуется объективной необходимостью разделения интенсивной заботы между родителями. Движущим мотивом отцов, наряду с любовью, выступает чувство долга, в некоторых случаях оно является ведущим — надо при любых обстоятельствах заботиться о ребенке. В восприятии гендерных ролей превалирует традиционный подход. Трудовая занятость организуется с учетом потребностей заботы о ребенке, «я могу» быть вовлеченным отцом, работа этому не мешает.

Гармоничная вовлеченность

Для семей с особыми детьми характерны разные варианты организации повседневной жизни: когда работают оба или один из родителей (как правило, отец). Но быть дома и/или посвящать больше времени заботе о ребенке, в то время как мать занята на работе, для этих отцов вариант актуальный:

У нее большое количество командировок и четко поставлены задачи. У меня более размеренная работа, поэтому времени с ребенком больше провожу я. (№ 3)

В основе гибких моделей поведения — установки на гендерное равенство в разделении домашних обязанностей:

За все вместе отвечаем. У нас нет такого понятия — мужское и женское. Я полы мою, жена компьютеры чинит, потому что она в этом лучше разбирается (№ 3).

Я с ним в больнице лежал сколько раз. (№ 10)

Стараемся друг другу помогать, такого нет, что кто-то больше, кто-то меньше. (№ 4)

Вовлеченность в заботу о ребенке соответствует как ожиданиям матери, так и желанию отца. В ее основе — ответственность, чувство отцовского долга. Вместе с тем очевидно, что отцы движимы чувством любви и привязанностью к своим детям, говорят о них с нескрываемой теплотой:

Мой ребенок отстает в развитии, но я не вижу в нем никаких ужасных последствий. Что-то дается тяжелее, где-то он ведет себя как обезьянка, зато он добрый, красивый. (№ 3)

Преданность семье, ценностное, эмоционально теплое отношение друг к другу, взаимная поддержка характерны для этих семей. Это источник ресурсов, чтобы справляться с проблемами:

Домой прихожу, вот силы и прибавляются. (№ 13)

Приверженность общим целям, но при этом уважение индивидуальных потребностей лежат в основе семейной сплоченности:

Мы подходим друг другу, но мы не ограничиваем друг друга, абсолютно другие отношения. (№ 3)

Вовлеченность отцов данной группы в заботу о ребенке базируется на любви и ответственности за него и семью в целом, соответствует желанию отца и ожиданиям супруги. Для них характерна адаптивность, готовность выстраивать семейную ситуацию исходя из потребностей ребенка/семьи и возможностей каждого из супругов вносить свой вклад в семейное благополучие (в заботу о здоровье ребенка, его развитие, материальное обеспечение). Имеет место *гибкость гендерных установок*, притом что традиционное распределение обязанностей воспринимается ими как более естественное. В реальных практиках проявляются *эгалитарные* установки, у отцов нет барьеров в выполнении домашних дел, особенно при более высокой профессиональной занятости матери. Они *хотят, могут* и в реальных практиках проявляют себя как вовлеченные отцы.

Умеренная вовлеченность по необходимости

Несмотря на значимость отцовской роли и желание внести как можно больший вклад в заботу о ребенке и его воспитание, реальные возможности отца для

общения с ребенком могут быть ограничены. Основным ограничителем выступает работа, ее режим:

Главная трудность — отсутствие времени свободного. Я работаю три через три, дети живут в пятидневной неделе, когда с детьми общаться? (№ 1)

Основная нагрузка ложится на плечи неработающей жены: «Уход, забота, кормление, укладывание спать — это мама точно, процентов восемьдесят» (№ 8), но свои выходные дни отцы проводят в общении с детьми, играют, занимаются, гуляют и т. д. Они с сожалением говорят, что не могут уделять больше времени семье, хотя желали бы этого, проявляют понимание, что жена нуждается в передышке:

Ей морально тяжело, потому что она постоянно с детьми, и как женщине ей хочется своего личного времени побольше на себя. (№ 8)

Притом что исходные гендерные установки могли быть скорее традиционными, в настоящее время можно отметить их динамику в сторону эгалитарных:

Я считаю, что мужчина должен уметь все делать. (№ 11)

Работе отцы отдают много времени и сил, но она не отодвигает семью на второй план, приверженность семье у этих отцов высокая:

Для меня важно заботиться о своей семье при любых обстоятельствах. Это продиктовано моей любовью к дочери. Работа — только часть моей жизни. (№ 11)

Обобщая, отметим, что актуальные гендерные установки этих отцов — эгалитарные. Они хотят, но не могут в желаемой степени участвовать в воспитании детей. Ограничивающим фактором выступает недостаток времени, обусловленный трудовой занятостью, поэтому их умеренная вовлеченность — следствие объективной необходимости.

Умеренная вовлеченность по желанию

Ограничения участия отца в заботе о ребенке, обусловленные его профессиональной занятостью, могут оцениваться им не только как неизбежные, но и как естественные и ожидаемые, согласующиеся с его представлением о традиционной роли мужчины в семье:

Как в нормальной семье, супруга должна по дому заниматься, а я все-таки зарабатываю деньги. Я глава семьи, организатор, а домашний быт — мне кажется, супруга должна заниматься. Не всегда успевает, приходится помогать. (№ 12)

Хотя и ссылаются на занятость, эти отцы не отстраняются от домашних дел. В выходные дни и после работы они общаются с детьми, считая при этом важными традиционно отцовские функции — контроля и дисциплинирования:

С детьми контакт больше у нее [у жены]. Я по выходным, вечерами, соответственно. В выходные — какие-то активности. Это может быть поездка, поход куда-то культурный. Еще пинать надо старшего, чтобы сходил на тренировку, делал уроки. (№ 5)

Приверженность семье, отцовству занимает важное место в их мотивационно-ценностной структуре: «Отцовство главное, я на себя хочу больше, но не могу, поэтому возлагаю на супругу» (№ 12), — но все же значимость профессиональной самореализации, вероятно, выше, так как удовлетворенность жизнью эти отцы напрямую связывают с работой:

Тем, как жизнь складывается, скажем так, удовлетворен. Эта ситуация с ребенком никак не влияет на то, чем я занимаюсь. Мужчина — это человек, у которого есть работа. Главное, чтобы она была интересная. (№ 5)

Вовлеченность отцов данного типа можно оценить как умеренную, причем объяснение этому мы находим как в действии объективных факторов (не могу, так как много работаю), так и субъективных — мотивационно-ценностной структуры, в которой ценности профессиональной самореализации «конкурируют» с ценностями вовлеченного отцовства, снижая мотивацию посвящать себя заботе о ребенке. Этому способствуют и традиционные гендерные установки, при которых основная ответственность за повседневную заботу о ребенке и его воспитание возлагается на мать, а участие отца совпадает с его желанием, соответствующим представлению о распределении семейных обязанностей (не хочу тратить время и силы на то, с чем справляется жена).

Заключение

Подводя итоги, отметим, что роль отца, являясь частью ролевого репертуара мужчины, несет на себе отпечатки общего представления о том, что значит быть настоящим мужчиной в современном обществе, и в то же время корректируется под воздействием жизненного опыта, родительской культуры, гендерных установок, семейной ситуации, здоровья ребенка. Родительский габитус активного вовлеченного отцовства конструируется через проблематизацию и рефлекссию не совсем успешного опыта отношений со своим отцом, работу над собой и значительные личные усилия, самоопределение на основе потребности изменить качество собственного родительства. При этом ценности и практики вовлеченного отцовства у отцов, имеющих детей с инвалидностью, проявляются в специфических способах и механизмах совладания с трудностями и помощи своим детям. Так, у этих отцов проявляются новые измерения вовлеченности в отличие от отцов здоровых детей — организация лечения и реабилитации ребенка, профессионализация родительства, территориальная и статусная мобильность, гибкость трудовой занятости, рутинная/телесная забота, практики углубленного изучения заболевания и регулярный поиск способов совладания с ним, активная позиция в отстаивании прав своих детей.

Подтвердилась гипотеза о том, что реализация мужчины в роли отца во многом зависит от супруги, ее личных установок и ожиданий, совпадения взаимных пред-

ставлений о родительстве, способности договариваться и разрешать конфликтные ситуации и т. д. В ситуации, когда в семье воспитывается ребенок с особыми потребностями в заботе, влияние отношений с матерью ребенка возрастает в разы. Вовлеченность в отцовство коррелирует и с процессами устойчивости семьи, которые могут быть выражены по-разному в зависимости от характера проблем, специфики заболевания ребенка, ресурсов и др.

В настоящее время преобладает проблемно-дефицитарный подход к семьям, нуждающимся в интенсивной социальной помощи и поддержке, в том числе к семьям с детьми-инвалидами. Однако часто внешней поддержки оказывается недостаточно, чтобы жизненная ситуация такой семьи существенно изменилась в лучшую сторону: актуален поворот в сторону поиска внутренних ресурсов устойчивости, жизнестойкости, активизации потенциала семей, создающих более прочную основу для долгосрочных позитивных изменений [Törrönen et al., 2013]. В связи с этим возрастает значение социальной поддержки в наращивании внутрисемейных ресурсов, развития форм и методов работы, направленных на повышение как индивидуальной жизнестойкости, личностной зрелости, ответственности отцов, так и удовлетворенности супругов браком, их готовности к конструктивным отношениям, способности решать проблемы вместе и поддерживая друг друга.

Список литературы (References)

Безрукова О. Н., Самойлова В. А. Отцовство и поддержка отцов: тренды современных зарубежных исследований // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 4. С. 233—272. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.4.948>.

Bezrukova O. N., Samoylova V. A. (2020) Fatherhood and Support for Fathers: Trends in Modern Foreign Studies. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 233—272. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.4.948>. (In Russ.)

Безрукова О. Н., Самойлова В. В. Отцовство в современной России: смыслы, ценности, практики и межпоколенческая трансляция // Социологические исследования. 2022. № 2. С. 94—106. <https://doi.org/10.31857/S013216250016970-0>.

Bezrukova O. N., Samoylova V. A. (2022) Fatherhood in Modern Russia: Meanings, Values, Practices, and Intergenerational Translation. *Sociological Studies*. No. 2. P. 94—106. <https://doi.org/10.31857/S013216250016970-0>. (In Russ.)

Борисова О. Н. Отцовская вовлеченность: индивидуальные и межстрановые различия // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2017. № 6. С. 260—283. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.6.13>.

Borisova O. N. (2017) Father's Involvement: Individual and Cross-Country Differences. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 260—283. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.6.13>. (In Russ.)

Галасюк И. Н. Проблема психической травматизации членов семьи инвалида // Вестник Московского Государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2011. № 1. С. 54—60.

Galasyuk I. N. (2011) The Problem of Psychological Trauma of Family Members of the Disabled. *Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Psychology*. No. 1. P. 54—60. (In Russ.)

Гребенникова Е. В., Шелехов И. Л., Берестнева О. Г. Психолого-педагогическая компетентность родителей, воспитывающих детей-инвалидов // *Науковедение*. 2015. Т. 7. № 2. С. 1—13. <http://dx.doi.org/10.15862/18PVN215>.

Grebennikova E. V., Shelekhov I. L., Berestneva O. G. (2015) Psycho-Pedagogical Competence of Parents, Disabled Children. *Naukovedenie*. Vol. 7. No. 2. P. 1—13. <http://dx.doi.org/10.15862/18PVN215>. (In Russ.)

Егорова Н. Ю., Янак А. Л., Рябинская Е. С. Родительские роли в современной российской семье: границы «мужского» // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2020. № 2. С. 233—251. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.2.782>.

Egorova N. Yu., Yanak A. L., Ryabinskaya E. S. (2020) Parental Roles in the Modern Russian Family: The Male Boundaries. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 233—251. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.2.782>. (In Russ.)

Липасова А. Н. Отцовство в гендерных режимах развитых стран // *Женщина в российском обществе*. 2016. № 2. С. 34—47. <https://doi.org/10.21064/WinRS.2016.2.4>.

Lipasova A. N. (2016) Fatherhood in Gender Regimes of the Developed Countries. *Woman in Russian Society*. No. 2. P. 34—47. <https://doi.org/10.21064/WinRS.2016.2.4>. (In Russ.)

Кон И. С. Мужчина в меняющемся мире. М.: Время, 2009.

Kon I. S. (2009) A Man in a Changing World. Moscow: Vremya. (In Russ.)

Рождественская Е. Ю. Вовлеченное отцовство, заботливая маскулинность // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2020. № 5. С. 155—185. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.5.1676>.

Rozhdestvenskaya E. Yu. (2020) Involved Fatherhood, Caring Masculinity. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 5. P. 155—185. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.5.1676>. (In Russ.)

Тындик А. О., Васин С. А. Положение детей инвалидов и их семей по данным переписи населения // *Журнал исследований социальной политики*. 2016. Т. 14. № 2. С. 167—180.

Tyndik A. O., Vasin S. A. (2016) Children with Disabilities and Their Families' Status: Evidence from Censuses. *The Journal of Social Policy Studies*. Vol. 14. No. 2. P. 167—180. (In Russ.)

Шевченко И. О. Институт отцовства: состояние, тенденции, проблемы // *Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение*. 2010. № 3. С. 278—286.

Shevchenko I. O. (2010) The Institution of Fatherhood: Condition, Trends, Problems. *RSUH/RGGU Bulletin. Series Philosophy. Social Studies. Art Studies*. No. 3. P. 278—286. (In Russ.)

- Bogossian A., King G., Lach L. M., Currie M., Nicholas D., McNeill T., Saini M. (2019) (Unpacking) Father Involvement in the Context of Childhood Neurodisability Research: A Scoping Review. *Disability and Rehabilitation*. Vol. 41. No. 1. P. 110—124. <https://doi.org/10.1080/09638288.2017.1370497>.
- Bragiel J., Kaniok P. E. (2011) Fathers' Marital Satisfaction and Their Involvement with Their Child with Disabilities. *European Journal of Special Needs Education*. Vol. 26. No. 3. P. 395—404. <https://doi.org/10.1080/08856257.2011.595174>.
- Condon J. T., Corkindale C. J., Boyce Ph. (2004) The First-Time Fathers Study: A Prospective Study of the Mental Health and Wellbeing of Men during the Transition to Parenthood. *Australian & New Zealand Journal of Psychiatry*. Vol. 38. No. 1—2. P. 56—64. <https://doi.org/10.1177/000486740403800102>.
- Cundy J. (2016) Supporting Young Dads' Journeys through Fatherhood. *Social Policy and Society*. Vol. 15. No. 1. P. 141—153. <https://doi.org/10.1017/S1474746415000524>.
- Doherty W. J., Kouneski E. F., Erickson M. F. (1998) Responsible Fathering: An Overview and Conceptual Framework. *Journal of Marriage and Family*. Vol. 60. No. 2. P. 277—292.
- Glenn F. E. (2007) *Growing Together, or Drifting Apart? Children with Disabilities and Their Parents' Relationship*. London: One Plus One.
- Gorvine B. J. (2002) *Fathers and Father Figures of Head Start Children: A Study of the Effects of Involvement on Children's Socioemotional Development*. Ann Arbor, MI: University of Michigan.
- Ingber S., Most T. (2012) Fathers' Involvement in Preschool Programs for Children with and without Hearing Loss. *American Annals of the Deaf*. Vol. 157. No. 3. P. 276—288. <https://doi.org/10.1353/aad.2012.1620>.
- Johansson T., Andreasson J. (2017) *Fatherhood in Transition: Masculinity, Identity and Everyday Life*. London: Palgrave Macmillan. <https://doi.org/10.1057/978-1-137-58953-8>.
- Hawkins A. J., Palkovitz R. (1999) Beyond Ticks and Clicks: The Need for More Diverse and Broader Conceptualizations and Measures of Father Involvement. *The Journal of Men's Studies*. Vol. 8. No. 1. P. 11—32. <https://doi.org/10.3149/jms.0801.11>.
- Hofferth S. L., Forry N. D., Peters H. E. (2010) Child Support, Father-Child Contact, and Preteens' Involvement with Nonresidential Fathers: Racial/Ethnic Differences. *Journal of Family and Economic Issues*. Vol. 31. No. 1. P. 14—32. <https://doi.org/10.1007/s10834-009-9172-9>.
- Höfner C., Schadler C., Richter R. (2011) When Men Become Fathers: Men's Identity at the Transition to Parenthood. *Journal of Comparative Family Studies*. Vol. 42. No. 5. P. 669—686. <https://doi.org/10.3138/jcfs.42.5.669>.
- Kalmijn M. (2015) Father-Child Relations after Divorce in Four European Countries: Patterns and Determinants. *Comparative Population Studies*. Vol. 40. No. 3. P. 251—276.

Lamb M. E. (1986) The Changing Roles of Fathers. In: Lamb M. E. (ed.) *The Father's Role: Applied Perspectives*. New York, NY: John Wiley. P. 3—27.

LaRossa R. (1988) Fatherhood and Social Change. *Family Relations*. Vol. 37. No. 4. P. 451—457. <https://doi.org/10.2307/584119>.

Lengersdorf D., Meuser M. (2016) Involved Fatherhood: Source of New Gender Conflicts? In: Crespi I., Ruspini E. (eds.) *Balancing Work and Family in a Changing Society. The Fathers' Perspective*. New York, NY: Palgrave Macmillan. P. 149—161. https://doi.org/10.1057/978-1-137-53354-8_10.

Maddi S. R. (2006) Hardiness: The Courage to Grow from Stresses. *The Journal of Positive Psychology*. Vol. 1. No. 3. P. 160—168. <https://doi.org/10.1080/17439760600619609>.

Marks L., Palkovitz R. (2004) American Fatherhood Types: The Good, the Bad, and the Uninterested. *Fathering: A Journal of Theory, Research, and Practice about Men as Fathers*. Vol. 2. No. 2. P. 113—129. <https://doi.org/10.3149/fth.0202.113>.

Marsiglio W. (2009) Men's Relations with Kids: Exploring and Promoting the Mosaic of Youth Work and Fathering. *Annals of the American Academy of Political and Social Science*. Vol. 624. No. 1. P. 118—138. <https://doi.org/10.1177/0002716209334696>.

Ogston-Nobile P. L. (2015) The Division of Family Work among Fathers and Mothers of Children with an Autism Spectrum Disorder: Implications for Parents and Family Functioning. A PhD in Psychology Thesis. No. 75. P. 1—189. <https://doi.org/10.25772/N1WS-Z706>.

OzturkYa., Riccadonna S., VenutiP. (2014) Parenting Dimensions in Mothers and Fathers of Children with Autism Spectrum Disorders. *Research in Autism Spectrum Disorders*. Vol. 8. No. 10. P. 1295—1306. <https://doi.org/10.1016/j.rasd.2014.07.001>.

Palkovitz R. (1997) Reconstructing “Involvement”: Expanding Conceptualizations of Men's Caring in Contemporary Families. In: Hawkins A. J., Dollahite D. C. (eds.) *Generative Fathering: Beyond Deficit Perspectives*. Thousand Oaks, CA: Sage. P. 200—216.

Rankin J. A., Paisley C. A., Tomeny T. S., Eldred S. W. (2019) Fathers of Youth with Autism Spectrum Disorder: A Systematic Review of the Impact of Fathers' Involvement on Youth, Families, and Intervention. *Clinical Child and Family Psychology Review*. Vol. 22. No. 4. P. 458—477. <https://doi.org/10.1007/s10567-019-00294-0>.

Ruby S., Scholz S. (2018) Care, Care Work and the Struggle for a Careful World from the Perspective of the Sociology of Masculinities. *Österreichische Zeitschrift für Soziologie*. Vol. 43. No. 1. P. 73—83. <https://doi.org/10.1007/s11614-018-0284-z>.

Tolleson A., Zeligman M. (2019) Creativity and Posttraumatic Growth in Those Impacted by a Chronic Illness/Disability. *Journal of Creativity in Mental Health*. Vol. 14. No. 4. P. 499—509. <https://doi.org/10.1080/15401383.2019.1632769>.

Törrönen M., Borodkina O., Samoylova V., Heino E. (eds.) (2013) *Empowering Social Work: Research & Practice*. Helsinki: University of Helsinki, Kotka Unit Kopijyvä Oy.

Sato N., Araki A. (2021) Fathers' Involvement in Rearing Children with Profound Intellectual and Multiple Disabilities. *Journal of Family Nursing*. Vol. 28. No. 1. P. 57—68. <https://doi.org/10.1177/10748407211037345>.

Schoppe-Sullivan S.J., McBride B.A., Ho M. R. (2004) Unidimensional Versus Multidimensional Perspectives on Father Involvement. *Fathering: A Journal of Theory, Research, and Practice about Men as Fathers*. Vol. 2. No. 2. P. 147—163. <https://doi.org/10.3149/fth.0202.147>.

Sim A., Cordier R., Vaz Sh., Falkmer T. (2019) “We are in This Together”: Experiences of Relationship Satisfaction in Couples Raising a Child with Autism Spectrum Disorder. *Research in Autism Spectrum Disorders*. Vol. 58. P. 39—51. <https://doi.org/10.1016/j.rasd.2018.11.011>.

Walsh F. (2016) Family Resilience: A Developmental Systems Framework. *European Journal of Developmental Psychology*. Vol. 13. No. 3. P. 313—324. <https://doi.org/10.1080/17405629.2016.1154035>.

West C., Honey A. (2016) The Involvement of Fathers in Supporting a Young Person Living with Mental Illness. *Journal of Child and Family Studies*. Vol. 25. No. 2. P. 574—587. <https://doi.org/10.1007/s10826-015-0230-7>.

Приложение. Основные характеристики информантов

№ интервью	Возраст информанта (полных лет)	Образование	Наличие регистрации брака	Количество детей в семье	Информация о ребенке-инвалиде
1	44	Незаконченное высшее	–	2	Девочка, 10 лет, нейро-сенсорная тугоухость
2	40	Высшее	+	2	Девочка, 5 лет, порок сердца Тетрада Фалло
3	40	Незаконченное высшее	+	1	Мальчик, 8 лет, ЗПР
4	38	Среднее специальное	+	3	Мальчик, 15 лет, ЗПР
5	42	Высшее	+	2	Мальчик, 11 лет, синдром Денди-Уокера
6	50	Среднее специальное	+	1	Мальчик, 13 лет, дистрофия Дюшена, РАС
7	35	Незаконченное высшее	–	1	Мальчик, 12 лет, ДЦП
8	34	Высшее	+	2	Мальчик, 7 лет, ДЦП
9	39	Среднее специальное	+	2	Мальчик, 9 лет, РАС
10	35	Среднее специальное	+	2	Мальчик, 10 лет, ДЦП
11	41	Высшее	+	1	Девочка, 7 лет, дефект тазобедренного сустава
12	33	Высшее	+	2	Мальчик, 4 года, сах. диабет 1 типа
13	36	Среднее специальное	+	2	Мальчик, 9 лет, дефект кисти
14	31	Высшее	+	1	Мальчик, 6 лет, РАС
15	36	Среднее специальное	+	2	Девочка, 5 лет, ДЦП